

А. А. Бахтиаров

**Иоганн Гутенберг. Его жизнь
и деятельность в связи
с историей книгопечатания**

Анатолий Александрович Бахтиаров Иоганн Гутенберг. Его жизнь и деятельность в связи с историей книгопечатания

Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175481

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение. Орудия и материалы письменности у древних народов	6
Глава I. Иоганн Гутенберг	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Анатолий Александрович
Бахтиаров
Иоганн Гутенберг. Его
жизнь и деятельность
в связи с историей
книгопечатания**

*Биографический очерк А. А. Бахтиарова
С портретом Гутенберга,
гравированным в Лейпциге Геданом*

Введение. Орудия и материалы письменности у древних народов

Прежде чем говорить об Иоганне Гутенберге, не лишним будет ознакомиться, хотя бы вкратце, с теми способами, которые употреблялись у древних народов для обмена мыслей.

Мимолетная человеческая мысль для своего внешнего выражения, кроме живого слова, имеет еще и письмена. Но если слово, по выражению поэта, «звук пустой», который так же скоро пропадает бесследно, как и появился, то нельзя того же сказать о письме: что написано пером, того не вырубишь топором, – говорит русская пословица.

В древнем мире вся вековая мудрость, все знания, добытые продолжительным опытом, сохранялись в памяти благодаря *записыванию*. Таким образом дошли до нас творения древних греческих философов, например Аристотеля и других, и надо удивляться, что их произведения при всем несовершенстве рукописного способа производства книг не были преданы забвению.

В Императорской публичной библиотеке, в Петер-

бурге, есть собрание образцов письменности всех народов и всех времен. К чему только не прибегало человечество, чтобы записать свои мысли для грядущего потомства!

Первая книга человека – деревянная или каменная, первое перо его – крепкий нож или топор.

Из Библии известно, что Моисей начертал свои десять заповедей для народа израильского на каменных скрижалях. Четыре тысячи лет тому назад египтяне вырезали целые легенды и исторические повествования на стенах своих пирамид. В развалинах Вавилона попадаются кирпичи с выдавленными на них письменными знаками. В кабинете медалей парижской Национальной библиотеки хранится кусок серебряного свинца, добытого римлянами из рудников Испании за 100 лет до христианской эры: на этом куске отпечатаны крупными буквами имена двух владельцев рудников. Официальные акты древних народов – египтян и греков – нередко вырезались на каменных или бронзовых пластинках. Документы помещались вдоль стен, иногда прибивались к ним гвоздями. Так, например, почетные аттестаты, которые выдавались военными властями римским солдатам после многих лет хорошей службы, были писаны на бронзовых пластинках. Если такая пластинка была исписана с обеих сторон, то ее не прибивали к стене, а подвешивали

на маленьких цепочках, чтобы посетители могли прочитать, что написано на оборотной стороне. В храмах также вешали на цепочках небольшие дощечки с высеченными на них с обеих сторон притчами и изречениями.

В ту отдаленную эпоху целые библиотеки состояли из глиняных дощечек. Важное открытие глиняной литературы всецело принадлежит настоящему столетию. На том месте, где стояла столица древней Ассирии, давно уже находили барельефы с так называемыми клинообразными надписями на языке древних халдеев, иначе – на языке аккадийском. В середине нынешнего столетия стали находить с надписями на том же языке и глиняные плитки, на которых писали черточками, прежде чем окрепнет глина.

В одной Ниневии их собрано столько, что ими можно бы исписать 20 тысяч страниц *in folio*.¹ Посредством разных остроумных догадок и упорного труда ученые наконец выучились свободно читать эти черточки, и теперь известно, что аккадийский язык был мертвым уже за 1700 лет до Рождества Христова, но ассирийские ученые писали на нем и гораздо позднее, как в средневековой Европе писали на латыни. Из таких глиняных книг составлялись целые общественные библиотеки, где читатели, как и теперь, требова-

¹ букв. – в лист (*лат.*); здесь – формат книги в половину бум. листа

ли книги по каталогу, отмечая только номер сочинения; подобные библиотеки были во многих городах Месопотамии.

Материал для ассирийских книг отличался дешевой, а прочность их, если они стояли на месте, была вне всякого сомнения. Но глиняные книги были слишком неудобны для переноски и занимали чересчур много места: если бы написать клинообразными знаками на таких плитках содержание одного номера газеты *Times*, то десять самых сильных носильщиков не могли бы перенести их с места на место.

Более удобный материал для писания, служивший древнему миру, изобретен в Египте, другой колыбели нашей цивилизации. Египтяне писали на папирусе. Это – травянистое растение, от 8 до 12 футов высоты, густыми массаами растущее в болотах Египта, Палестины и Сицилии. Голый трехгранный стебель его, толщиной в человеческую руку, заканчивается букетом из листьев. Папирус (*paperus antiquus*) относится к семейству кипрейных растений. Наши виды кипрейных растений – карлики в сравнении с растущими в жарких странах. Один писатель V века говорит об Египте следующее: «Там стоит лес без ветвей и листьев, который составляет жатву воды и украшение болот».

По словам Плиния, бумагу из папируса приготовля-

ли так: сочный стебель раскалывали и снимали с него различные перепонки, из которых наружные и внутренние шли на изготовление худшей, а немногочисленные средние – хорошей бумаги. Все это смачивали нильской водой, сжимали, сушили и выглаживали. Выделкою папируса занимался город Александрия, при устье Нила. Такая бумага была много хуже и дороже нынешней, и на ней писали только с одной стороны; тем не менее это изобретение имеет громадную важность: только благодаря ему умственная культура древнего мира могла подняться так высоко.

Древнейший образчик папируса Шамполион относит к 3500 году до Рождества Христова. Плиний приводит письмо на папирусе, современное Троянской войне.

Часто несколько листов папируса соединялись вместе, и получался свиток 20–27 аршин длины. Длинные полосы папируса наворачивались на палку с утолщенными концами. На верхнем конце палки прикреплялся ярлычок с обозначением заглавия, который высывался из футляра, большею частью кожаного, соответствовавшего нашему переплету. Это и есть форма старинной книги: свиток, навораченный на палку. В библиотеках эти свитки не ставились, а клались на полки так, что ярлычки были на виду. При открытии Геркуланума, который, как известно, занесен

был извержениями Везувия, найдено было до двух тысяч томов рукописей греческих и латинских сочинений, к сожалению, обуглившихся. Писали на свитках—или вдоль, вертикальными колоннами, или поперек, рядами многих параллельных колонн.

Образцами такого письма могут служить грамоты, которые на Руси до начала XVIII века писались на свитках, или старинные иконы, где свитки со словами иногда выходят из рта говорящего.

Способ писания на свитках из Египта перешел в Грецию, а оттуда – в Рим, хотя египтяне долго сохраняли за собою монополию выделки папируса, и только в последнее время республики римляне завели собственные папирусные фабрики.

Во время Плиния производство папируса достигает в Римской империи уже высокой степени развития; различается много видов папируса: от первого сорта, который употреблялся только для важнейших документов, до оберточной бумаги, стоившей сравнительно недорого. Это производство иногда временно прекращалось вследствие неурожая папируса, из-за которого при императоре Тиверии чуть не вспыхнуло народное возмущение. В эллинскую эпоху папирус был значительно дороже, чем в римскую; так, при Перикле кусок папируса средней величины стоил около рубля, то есть в двести раз дороже, чем теперь стоит лист

самой лучшей английской бумаги. Вследствие такой дороговизны в Греции часто для писания употреблялись другие материалы, между прочим черепки (откуда получил свое название известный суд на черепках – *остракизм*).

Законы Солона были написаны на деревянных цилиндрах и треугольных досках. Писали способом «бустрофедон», то есть строки шли то от левой руки к правой, то от правой к левой. Эти законы сохранялись в афинском Акрополе. Употреблялась также кора дерева, береста: лат. *liber* – *книга* – означало и кору дерева; писали, по свидетельству Ливия, и на полотне (*libri lentei* – полотняные книги). Но все это были исключения, и в библиотеках, как и в канцеляриях, папирус пользовался предпочтением.

Во II столетии до Рождества Христова у папируса появился соперник, хотя вначале не особенно могущественный, а именно пергамент.

Кожа исстари служила употребительнейшим материалом для писания почти на всем Востоке. По преданию, священные книги древних персов были написаны на 1200 бычьих кожах. С Востока обычай писать на коже перешел и в Грецию. Евреи удержали до наших дней обычай писать заповеди для синагог на коже; в древние времена они делали из кожи такие большие свитки, что на них помещалось все пятикнижие Мои-

сеево.

О происхождении пергамента рассказывается следующее.

Когда малоазийский царь Эвмен II (от 197–158 до Р.Х.) основал в Пергаме большую библиотеку, то александрийские Птолемеи, не желавшие существования соперницы для своей библиотеки, запретили вывоз папируса. Царь Эвмен устроил в Пергаме фабрику для специальной выделки кож как материала для писания. С того времени от города Пергама произошло и самое название пергамента.

Обыкновенно пергамент выделывался из козьей или бараньей кожи. Освобожденная от мяса и сала ножом кожа полировалась пемзой – для очистки от шерсти и шероховатостей.

Тонкий пергамент выделывался из кожи ягнят и телят. Кстати заметим, что в Казанском университете, в библиотеке, хранится старинная Библия, написанная на телячьей коже.

По преданию, самый тончайший пергамент выделывался из кожи человека. Новейшие исследования подтверждают это. По мнению аббата Рива, латинская Библия XIII века, хранящаяся в парижской Национальной библиотеке, писана на пергаменте из женской кожи, который действительно отличается поразительной тонкостью.

Пергамент был дороже папируса, но зато прочнее и мог исписываться с обеих сторон. Вследствие дороговизны пергамента нередко случалось, что с него смывали или соскабливали ранее написанное и принимались писать снова. Чтобы вытравить старинный текст, пергамент подвергали даже кипячению – для нового употребления. Подчас смывание и скобление было настолько несовершенно, что под новыми строками виднелись ранее написанные. Варварскому обычаю старинных писцов обязаны своим происхождением так называемые *палимпсесты*, которые сохраняются теперь в разных европейских библиотеках.

Этим именем называются такие рукописи, с которых смыто письмо позднейшего времени и химическими средствами восстановлено то, что было написано раньше. На одном из таких палимпсестов, хранящемся в Императорской публичной библиотеке в Петербурге, было написано сначала по-гречески в V веке, потом по-сирийски и наконец по-грузински.

Из пергамента неудобно было делать такие длинные полосы, как из папируса, вследствие чего форма *свитка* заменилась другой – *книгой* в листах, соединенных одною стороною или перегнутых пополам.

Размеры современных книг ведут начало от древнего своего прототипа – пергамента. Целая кожа, обрезанная квадратом и сложенная вдвое, представля-

ла размер in folio различной высоты и ширины. Даже бумага при первом своем появлении приняла обыкновенный формат пергамента.

Происхождение бумаги теряется, как говорится, «во мраке неизвестности». Как известно, многие открытия и изобретения, облагодетельствовавшие человечество, приписываются китайцам: они изобрели порох, компас; они первые ввели в обращение ассигнации, и т. д. Тем не менее европейцы до всего этого дошли своим собственным умом. Изобретение бумаги также приписывается китайцам: они выделяли ее из хлопка или бамбука. Само слово «бумага» китайского происхождения. В Древней Руси бумагу называли «бамбицина». От китайцев бумага перешла в Туркестан, отсюда в Аравию, а из нее занесена в Испанию и Италию.

В Европе бумагу стали выделять из льняных тряпок и полотна. Древнейшим документом на бумаге из полотна считается письмо принца Жуанвиля к королю Людовику X в начале XIV века. Бумажные фабрики существовали во Франции, начиная со времени царствования Филиппа Валуа, то есть с середины XIV века. С этого времени существует множество документов, написанных на тряпичной бумаге, предварившей изобретение книгопечатания почти на целое столетие.

Что касается орудий письма, то они были весьма разнообразны, смотря по тому, на каком материале приходилось писать.

Древние китайцы чертили свои письменные знаки шилом на бамбуковых дощечках или крепких листьях. Римляне писали на деревянных дощечках, покрытых воском; орудием письма служили железные или костяные палочки (*stilus*), заостренные с одного конца и широко сплюсненные с другого. Острие стила служило для начертания букв, а плоский конец – для нового выравнивания вощенной поверхности в случае, если вкралась ошибка и ее надо было исправить. Отсюда выражение: перевертывай почаще стиль, то есть внимательнее исправляй слог.

Вощенные дощечки употреблялись для частной корреспонденции, учебных занятий, счетов и т. п. В средние века Карл Великий всегда имел подобную дощечку у своего изголовья.

На папирусе и пергаменте писали так называемыми *каламами*: это не что иное, как тростник, очиненный наподобие гусиного пера.

Калам – первобытная форма современного стального пера. Стальным перьям предшествовали гусиные перья, которые очинивались *перочинным* ножом. Стальное перо начало употребляться с XIV века. В настоящее время вся Европа пишет стальными пе-

рьями, которые на наших глазах вытеснили гусиные. Скребок также являлся необходимым орудием для письма. Неверно написанное слово соскабливалось при помощи скребка и заменялось новым. На старинных рукописных миниатюрах писец всегда изображался со своими атрибутами: с пером в одной руке и со скребком в другой. Мокрая губка служила для смывания написанного.

Китайцы на своей тонкой бумаге издавна пишут кисточками разведенной тушью. Римляне писали чернилами, которые приготавливались из сажи, гуммиарабика и воды.

Таким образом, техника записывания (орудия и материалы письма), практиковавшаяся у древних народов, не прошла для нас бесследно: все наши усовершенствования в этой области возникли на почве старого. Перо и бумага имеют своих предшественников, хотя и не знатного исторического происхождения, но тем не менее весьма почтенных. Мало того, седая древность передала нам многие слова, заимствованные из обихода древнего писца, к которым мы теперь относимся с особым уважением, хотя и употребляем иногда в переносном смысле, как, например: стиль, стилист и т. п.

Несмотря на полное отсутствие книгопечатания, у греков и римлян существовало весьма широко раз-

витое книжное производство. Друг Цицерона, Помпоний Атик, человек очень образованный и предприимчивый, первый ввел у себя изготовление рукописей в большом количестве для продажи. Успех Атика вызвал много подражателей, и вскоре издание книг сделалось особым промыслом. Известный писатель, как, например, Овидий, окончив новую поэму, тотчас же шел в большой книжный магазин и заключал условие с книгопродавцем. Последний, получив рукопись, относил ее в обширный зал при магазине, где сидели за столиками десятки, а иногда и сотни писцов, пероскрипов, отчасти рабов, отчасти вольнонаемных. По приказу хозяина они оставляли всякую другую работу; один из них всходил на возвышение и начинал диктовать вновь приобретенную поэму. Перед каждым писцом – чистые свитки разной величины, двойные чернильницы с чернилами двух цветов и хорошо очиненный тростник. И вот через несколько часов уже готово столько экземпляров поэмы, сколько писцов у книгопродавца.

Вечером Овидий получал условленное количество экземпляров. Утром на другой день на столбцах и перекрестках улиц красовалась публикация о появлении у такого-то книгопродавца такой-то поэмы, а путем рукописной римской газеты через несколько дней о том же узнавали и самые отдаленные провинции

империи.

Поэт Марциал (живший во второй половине I века от Р.Х.) в одном стихотворении жалуется на свое безденежье и таким образом говорит о распространении своих сочинений: «Не один только городской досуг увеселяет себя моею музою. И в воинском стане, среди дакийских инеев, суровый центурион читает мою книгу. Поет мои стихи и далекая Британия. Но какая от того польза для моего кошелька?»

Помимо книг красивых и всяких курьезов, у древних особенно высоко ценились экземпляры, исправленные известными грамматиками или самими авторами, особенно же автографы писателей. Автографами дорожили как единственными безукоризненно верными экземплярами.

В Афинах, в Акрополе, существовало особое книгохранилище, куда складывали известные книги, освобожденные от ошибок. В Риме при лучших книжных магазинах был один или несколько грамматиков, на обязанности которых лежало исправление рукописей; исправив экземпляр, они скрепляли его своею подписью. Дороговизна автографов уже в древности вызывала подделки. Подделывались и под стиль, и под руку писателя; были в ходу и письма Приама, автографы Гомера и т. п.

По свидетельству Цицерона, владевшего большим

количеством книг на пергаменте, он видел целую «Илиаду», списанную на свитке из пергамента, помещавшемся в орехе!..

Книжные магазины в Риме, как у нас в сороковых годах у книгопродавца Смирдина, служили местом свидания литераторов, ученых и любителей литературы. При магазинах устраивались кабинеты для чтения, где за небольшую плату можно было просмотреть литературные новинки. В эпоху императоров подобные книжные магазины с кабинетами и залом для переписчиков появляются почти во всех городах. Плиний младший с удовольствием узнал, что в отдаленном Лионе его книги стоят на выставке.

При раскопке Помпеи откопали книжную лавку, при которой находилось помещение для писцов. В риторских школах нередко имелись очень хорошие библиотеки.

От V–IX века книжное дело в Западной Европе существует, так сказать, спорадически: то в одном, то в другом месте, благодаря трудам одного книголюбца или целой школы таковых, деятельно списываются старые книги и составляются новые, преимущественно поучительные или исторические. Известно, что в VI веке Кассиодор, составитель нескольких энциклопедий, покинув мирскую жизнь, устроил в одном из Калабрийских монастырей целый институт писцов. В VII

столетии чтение и книгописание процветали в ирландских монастырях, и ирландские миссионеры разносили свои книги по всему материка Европы. Ирландцев сменили их победители англосаксы.

В средние века перепискою книг занимались по преимуществу монахи. Во всех больших монастырях имелось особое отделение *Scriptorium* для переписки книг. Подобное усидчивое занятие не могло не нравиться монахам – людям созерцательного и спокойного характера. Так как переписчики часто были люди малограмотные, то они делали много ошибок и даже иногда искажали самый смысл текста.

Техника переписывания книг мало-помалу совершенствовалась, разрасталась. Явилась потребность в разделении труда: одни писали, другие сравнивали, третьи исправляли и раскрашивали. Теперь мы книгу печатаем иногда с полнотипажамми в тексте, в старину книгу украшали картинками и виньетками, нарисованными от руки. Заглавные буквы затейливо рисовывали красными чернилами, киноварью. Искусные в переписывании книг монахи раскрашивали заглавные буквы, рисовали виньетки, а на полях книги, применяясь к тексту, делали художественно исполненные картинки. Монахи едва успевали переписывать рукописи для церковного обихода. Все их творчество уходило на украшение молитвенников, и в этом

они достигли изящества. Рукописи монахов на пергаменте невольно вводят в заблуждение читателей: читая их, думаешь, что имеешь дело с печатной книгой, и до сих пор, рассматривая раскрашенные рисунки, знаток всегда будет удивляться их красоте, а равно богатству отделки виньеток – до такой степени каллиграфы успели обогнать искусство на четыре столетия. Но монахи занимались обыкновенно перепиской молитвенников, на которые спрос был у большинства, между тем как научные и философские сочинения были потребностью немногих. Не один монах сидел за письменным столом; вместе с ним занималось много послушников. Большое количество труда и времени, занимаемое перепиской, делало то, что занятие литературой сводилось на копировку. Нередко виньетки и миниатюры на книгах исполнялись знаменитыми художниками. В XIV и XV веках Франция была одною из стран, где процветало производство хороших и изящных книг. Переписчики, иллюминаторы, миниатюристы, переплетчики и пергаментщики составляли в Париже особый промышленный класс, пользовавшийся известностью во всей Европе.

Так как для переписки книги требовалось много времени (нередко около года и более), то и цены на книги были высокие. Например, за рукописную Библию платили тысячу червонцев. Только богатые лю-

ди могли иметь книги, да они и писались для них. Очень часто переплеты на книгах делались из бархата или благородного металла, усыпанного драгоценными камнями с золотыми застежками. Такие книги обменивались за целые рыцарские имения или покупались владетельными князьями. За экземпляр рукописи Тита Ливия можно было в Италии купить роскошную виллу, – а тогда деньги были значительно дороже, чем теперь. Собственники книг, отдавая их на прочтение, взимали за это большую плату. В духовных завещаниях того времени особенно важное место занимает вопрос о судьбе оставшихся книг.

Многие монастыри обладали обширными библиотеками рукописных книг. Известно, что студенты часто платили профессорам перепиской их трудов. Короли и некоторые богатые люди занимались собиранием рукописей. Так, например, во Франции Карл V составил библиотеку в 1200 томов; некоторые из них, особенно те, у которых уцелели переплеты с собственноручною надписью короля, до сих пор сохраняются во французской Национальной библиотеке.

Для некоторых людей нет ничего легче, как «зачитать» чужую книгу, то есть взять книгу для прочтения у своего приятеля и оставить ее у себя навсегда, присвоить ее. Современное общество смотрит на «зачитывание» книги сквозь пальцы. В старину книги были

редки и дороги, и потому «зачитывание» книги пришлось бы очень накладно для ее владельца. Однако и в то время находились любители чтения, которые были не прочь «зачитать» книгу. В средние века против «зачитывания» книг была придумана весьма простая мера: в библиотеках и читальных залах книги просто-напросто приковывались к стене железными цепями, чтобы устранить возможность похищения их. Конечно, не особенно приятно читать прикованную цепями книгу, но что же иначе было делать? Этот факт наглядно показывает, между прочим, какими медленными шагами двигалось вперед просвещение. Для средневекового читателя книга, этот источник всякого знания, прикована была железными цепями к стене. Надлежало разорвать эти цепи, высвободить книгу из тихих монашеских келий, из роскошных палат богачей и пустить ее в обращение – на пользу общую.

Для бедного и среднего классов книга была положительно недоступна. «Нищие духом» поучались с церковных кафедр проповедниками; даже Слово Божие они могли слышать только во время богослужения – под стрельчатыми сводами готического собора. Чтобы сделать книгу общедоступною, надо было изменить самый способ ее производства, именно: рукописный заменить машинным, фабричным способом.

Как известно, этот переворот в книжном деле произошел таким образом, что кропотливое *переписывание* уступило свое место *тиснению*, то есть книгопечатанию.

Во всемирной истории человечества изобретение книгопечатания составляет одну из самых светлых страниц.

История науки показывает нам, что многие гениальные идеи, великие открытия и изобретения появились не сразу, как говорится, не с неба упали к нам, а вырабатывались известным историческим путем – на более или менее благоприятной почве.

Хорошо удобренная почва дает жатву сторицею.

После целого ряда научных исследований многих поколений трудолюбивых ученых или практических тружеников иная идея, так сказать, носится в воздухе, отыскивая для себя какую-нибудь счастливую голову. Этим мы нисколько не хотим умалить роль гения на арене всемирной истории. По словам Карлейля, назначение великих людей заключается именно в том, чтобы указывать толпе то, что достойно удивления, пред чем она до тех пор проходила равнодушно.

На какой почве возникло книгопечатание? Существовало ли какое-нибудь *тиснение* до изобретения книгопечатания?

«От великого до смешного – один только шаг», –

сказал Наполеон. Первые попытки *тиснения* в Европе относятся к производству... игральных карт. Около 1300 года через итальянцев и испанцев немцы познакомились с игральными картами – «книгою дьявола», как тогда их называли. Сначала эти карты рисовали от руки; но когда спрос на них увеличился, то их стали делать при помощи трафарета, то есть на пластинке вырезали нужный рисунок, клали ее на чистый лист бумаги и затем смазывали краской. Когда трафарет снимали, то на бумаге получался требуемый рисунок. Этим способом работа шла гораздо скорее, чем раскрашивание от руки.

Мало-помалу пришли к мысли вырезать изображение игральных карт ксилографическим путем на деревянной доске и получать с нее сколько угодно оттисков.

Как известно, резьба на дереве (ксилография) состоит в том, что нарисованное на доске изображение остается нетронутым, тогда как пустые промежутки вырезаются и удаляются, и рисунок в конце концов получает вид рельефа. Затем на рельефный рисунок, при помощи особого валика, накатывается черная краска, берется лист чистой белой бумаги и накладывается на него. Теперь если мы бумагу слегка нажмем и снимем, то получим оттиск нарисованного изображения.

Повторив эту операцию несколько раз, получим соответствующее количество оттисков.

Первую попытку сделать из оттисков более или менее обширное применение представляют собою оттиски на материи, впервые появившиеся в Италии. В XII веке шелковые и полотняные ткани украшались напечатанными по ним цветными рисунками. В XIII и XIV столетиях эту манеру стали применять при выделке ковров, на которых изображались библейские сцены и легендарные сюжеты.

Вскоре тиснение из практической, утилитарной области перешло в сферу умственного и нравственного развития человека. На досках, или таблицах, стали вырезать разные рисунки с небольшими нравоучительными надписями. Для изображения выбирались преимущественно сюжеты из Нового Завета, например, изображение Богородицы, распятия, вознесения, Страшного Суда, святых и т. п. С дальнейшим развитием графического искусства на рисунках подписи заменяются целыми изречениями, заимствованными из Библии, или стихами; и наконец с течением времени изречения уступили свое место целым страницам текста.

Тут уж недалеко и до изобретения книгопечатания. Таким образом, становится ясным, что переписчик книг постепенно превращается в печатника и резчика

форм. Оттиснутые картины с нравственными сентенциями продавались на рынках, а в праздничные дни даже и в церквах, но ни одна из подобных картин не дошла до нас.

Сюжеты для картин брались и из обыденной жизни, иногда даже безнравственного содержания. Против подобной профанации печатного искусства вооружался даже сам Лютер.

Кроме картин, ксилографическим способом печатались и небольшие сочинения. До нашего времени сохранилось около 30 разных сочинений, отпечатанных так называемым табличным способом; из них самые объемистые содержат в себе не более 50 листов. По своему содержанию это были молитвенники, календари, учебники и т. п. Из них особенную известностью пользуется *Biblia pauperum*, то есть «Библия для бедных», которая представляет собою ряд иллюстраций, начиная с рождения Девы и кончая Страшным Судом, с постоянными ссылками на Ветхий Завет. Всего в книге 40 библейских картинок, снятых с оконной живописи одного монастыря. Название этой книги одни объясняют тем, будто бы книга предназначалась для низших разрядов монашества, называвших себя *pauperes Christi*; по мнению других, это заглавие означает, что книга предназначалась для «нищих духом» или обделенных благами земными. «Биб-

лия для бедных» представляет теперь, конечно, величайшую библиографическую редкость, так что один английский лорд за экземпляр ее заплатил 1300 рублей.

Regit in p[er]u[er]s[is] et in
 p[er]u[er]s[is] d[omi]n[us] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 sibi p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]

Regit in p[er]u[er]s[is] et in
 p[er]u[er]s[is] d[omi]n[us] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 sibi p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]
 d[omi]n[us] p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]

David 30 Bathsheba 31
 P[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us] sibi p[er]u[er]s[is] iacob v[er]u[m] d[omi]n[us]

109 Ob ardore p[er]u[er]s[is] uale
 p[er]u[er]s[is] honoreu

109 Seru[er]s[is] vintadi veti
 hi sibi lugretti etat

109 Regu
 109 Regu
 109 Regu

109 Crutu vintadi veti
 hi sibi lugretti etat

109 Seru[er]s[is] vintadi veti
 hi sibi lugretti etat

Библия бедных. Ксилографическая книга XV века.

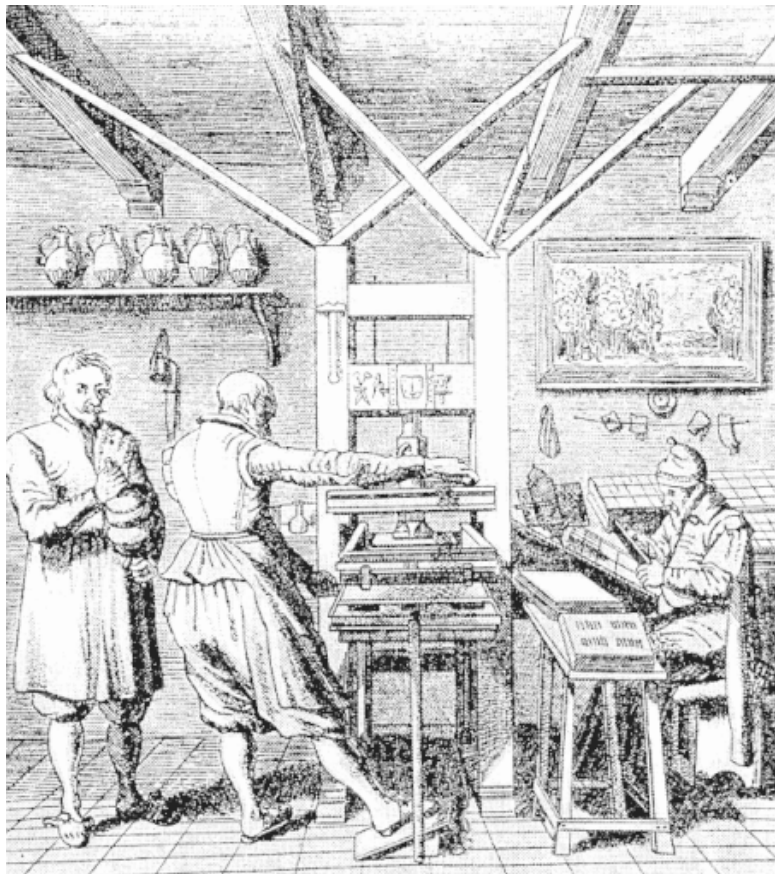
Для тиснения книг табличным способом образовались цехи мастеров; из них наиболее значительные были в городах Аугсбурге, Нюрнберге, Франкфурте-на-Майне, Кельне и других. В Ульме в 1430 году существовали рисовальщики и фабриканты карт, а в 1441 году появились и резчики форм. Тиснение досками (таблицами) в особенности процветало в Нидерландах. В 1442 году в Голландии уже были известны так называемые печатники и иллюминаторы, заменившие прежних переписчиков и рисовальщиков. В этом роде деятельности прославился гарлемский гражданин Лауренс Янсон Костер. Известия о нем записаны, по преданию, гораздо позднее времени, когда он жил. Некоторые голландские ученые вывели из них заключение, что изобретателем печатания посредством набора, составленного из литер, был Костер; ему поставлен в Гарлеме памятник как истинному изобретателю книгопечатания. Но это мнение основано больше на патриотических чувствах, чем на достоверных данных. Рассказывают целую легенду о том, будто бы Костер случайно напал на мысль книго-

печатания. Гуляя в лесу близ Гарлема, он сорвал свежую ивовую ветку, содрал с нее кору и вырезал буквы своего имени – в виде игрушки для своего внука.

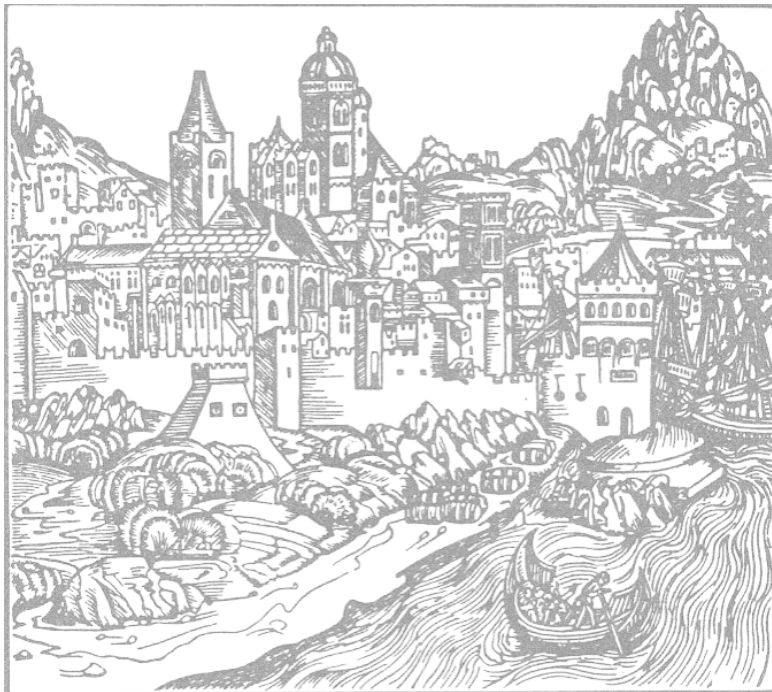
Ветка была влажная. Костер завернул ее в бумагу (пергамент) и положил в карман, а потом и забыл про нее. Только на другой день вынул он сверток, развернул и глазам не поверил: вырезанные буквы отпечатались на бумаге (пергаменте).

Костер в первую минуту не мог понять, отчего это так случилось, но потом сообразил, что палочка, на которой он вырезал буквы, была влажная и что, когда он положил ее в карман, она выпустила из себя сок, и вот выпуклые буквы, покрытые этим соком, отпечатались на бумаге (пергаменте), а когда ивовый сок подсох, то он потемнел, и буквы стали видны. Такова поэтическая легенда об изобретении книгопечатания.

Говорят, что Костер первый напечатал книгу «Зеркало спасения», а наборщики, разобрав шрифт и воспользовавшись временем, когда хозяин с семьей был в церкви, унесли шрифт в Майнц. Здесь будто бы воспользовался его тайной Иоганн Гутенберг, которого давно преследовала мысль получать возможно большее количество оттисков с одной и той же рукописи. Но все это – голландская переделка немецких рассказов о расхищении шрифта при взятии Майнца.

Типография Л. Костера. С гравюры XVII в.

Майнц. С гравюры 1493 года

Старая история повторилась и в наши дни: неоднократно делались попытки сорвать ореол гения с некоторых великих людей, так, например, трагедии Шекспира серьезно приписывались Бэкону, а в самое по-

следнее время один немецкий живописец пространно доказывал, что знаменитые картины Рембрандта, – этого царя светотени, – написаны не им, а каким-то другим художником, и что Рембрандт ловко присвоил себе чужие труды, а вместе с тем и славу.

Мы дошли до того момента, когда тиснение практиковалось в Европе в довольно обширных размерах, преимущественно для удовлетворения религиозно-нравственных потребностей народа. Но все-таки это были начатки печатания. Неудобства табличного способа очевидны: текст каждой страницы приходилось вырезать на доске, поэтому если книга состояла, например, из 100 страниц, то необходимо было на 100 таблицах вырезать соответствующий текст.

Тиснению надлежало сделать еще один шаг.

Изобретение книгопечатания, так сказать, носилось в воздухе, было делом времени.

Глава I. Иоганн Гутенберг

Происхождение Гутенберга. –

Гениальная идея – применить для печатания подвижные литеры. –

Сотрудники Гутенберга. – Фуст дал необходимый капитал для осуществления изобретения. – Шеффер улучшил технику

типографского искусства. – Первая книга, отпечатанная Гутенбергом. –

«Латинская грамматика» Э. Доната, 1451 год. – Индульгенции 1453 года. –

Гутенбергова сорокадвухстрочная

Библия. – Неудачи Гутенберга. –

Католикон 1460 года. – Смерть

Гутенберга. – Памятники Гутенбергу. –

Последствия изобретения книгопечатания

The Linnæus Club

Иоганн Гутенберг

Иоганн Генсфлейш Гутенберг родился в городе Майнце в 1396 году. Отец и мать его считались в числе патрициев, которые целые столетия держали в своих руках управление городом. Мать звали Елизаветой, она была последнею в роде Гутенбергов. Чтобы не дать исчезнуть роду своих отцов, своему младшему сыну Иоганну она дала фамилию Гутенберг. Иоганн действительно сделал эту фамилию известною всему цивилизованному миру. Пока существует хоть один типографский станок, имя Гутенберга не изгладится из памяти человечества. Оно записано на страницах истории.

О детстве Гутенберга, его жизни у родителей ничего не известно. Но как сын старой семьи патрициев он, конечно, учился в школе и знал все, чему учили в те времена.

Город Майнц управлялся самими жителями. В нем правили то старинные роды (патриции), то горожане (бюргеры), то есть купцы и ремесленники. Между патрициями и бюргерами беспрестанно бывали ссоры, которые переходили в схватки и побоища, нередко заканчивавшиеся всеобщим погромом – разрушени-

ем домов и грабежом имущества. В начале XV века злоупотребления патрициев вызвали общее против них озлобление цехов, которые наконец вытеснили местную аристократию из города и захватили власть в свои руки.

Иоганну Гутенбергу минуло 20 лет, когда в городе возникло столкновение между патрициями и горожанами. Причиной ссоры было то, кому первому иметь честь встретить проезжавшего через их город короля. Патриции опередили горожан. Горожане обиделись и, проводив короля, напали на патрициев. Произошла схватка. Горожане набросились на дома аристократии и стали их разорять и грабить имущество. Патриции не были подготовлены к защите. Горожане победили их. Аристократия принуждена была эмигрировать из своего родного города.

В числе изгнанников был и Иоганн Гутенберг. Семья поселилась в городе Страсбурге и долго не возвращалась оттуда, несмотря на то, что в 1430 году была объявлена амнистия всем бежавшим во время волнений на чужбину.

Но нет худа без добра. Изгнание в некотором отношении послужило Гутенбергу на пользу. Оно развило в нем самостоятельность. Гутенберг провел свою молодость в крайней бедности, представлявшейся еще ощутительнее после того достатка и даже роскоши,

которыми прежде пользовались его родители. Патриции в то время сильно гнушались ремеслами и относились к подобным занятиям с презрением. Бедность побуждала Гутенберга обеспечить свое существование каким-нибудь ремеслом или каким-нибудь открытием. Он познакомился со страсбургскими ювелирами и вошел с ними в компанию; этим делом издавна занимались его предки, и он полагал найти себе хороший заработок в секрете нового способа шлифовки драгоценных камней. Эта компания трудилась над изготовлением зеркал, которые тогда ценились очень высоко.

Свой талант к изобретениям Гутенберг обнаружил не ранее 1435 года.

В это время его разыскивал некий Андрей Дрицен, явившийся к нему с просьбой познакомить его с некоторыми из тех искусств, которыми занимался Гутенберг. Из архивных сведений узнаем, что в 1435 году Иоганн Гутенберг заключил с вышеупомянутым Дриценом контракт, касавшийся тайного искусства, задуманного Гутенбергом. Но что это было за тайное искусство – неизвестно.

При фабрикации зеркал главное внимание компании было обращено на тисненые металлические рамы. Что компаньоны занимались вообще металлическими работами, видно из тех закупок, которые

они делали. В распоряжении компании находился какой-то станок.

Так как распродажа зеркал замедлилась ввиду того, что большая ярмарка в Ахене с 1438 года была перенесена на 1440 год, то товарищество Гутенберга воспользовалось этим временем, чтобы сосредоточиться на изучении способа печатания рукописей.

Согласно указаниям одной кельнской хроники, первые опыты Гутенберга по изобретению книгопечатания относятся к 1440 году – в городе Страсбурге.

Собственно задача Гутенберга состояла лишь в том, чтобы разрезать голландские доски на отдельные буквы... Из этой идеи возникло и само книгопечатание.

Гутенберг придумал вырезать на деревянных столбиках литеры (изображение буквы) и соединять их в типографский набор. В этом его заслуга.

Несмотря на всю свою кажущуюся простоту, эта гениальная идея повела к великим результатам. Анализ человеческой речи показывает, что наша речь состоит из слов, слова из слогов, слоги – из звуков. В письменности для каждого звука придуман особый знак, буква. Для книгопечатания великий изобретатель принял ту же самую систему, какая практиковалась и в письме, то есть для каждой отдельной буквы сделал соответствующую *подвижную литеру*. Благодаря это-

му из подвижных литер можно было получать бесчисленное множество перестановок, то есть ставить их в каком угодно порядке и, смотря по требованию, получать какую угодно комбинацию. Из деревянных букв можно было составлять слова, из слов – предложения и т. д. – набирать целые страницы, затем разбирать для составления новых страниц и т. п. В Страсбурге Гутенберг жил в одном загородном монастыре, на реке Иле. Здесь была его рабочая комната. Кругом тишина. Никто не мешал Гутенбергу предаваться своей заветной идее.

По словам Гете, гений созревает в тиши кабинета, а характер образуется в шуме света...

Гутенберг – один в своей комнате. У него уже нарезаны из дерева маленькие деревянные плитки, или столбики, столько, сколько было букв в азбуке; все плитки одинаковой величины. На каждой плитке он вырезал в обратном виде выпуклую, рельефную букву, начиная с буквы А, потом все столбики поставил рядом, один возле другого – так, чтобы буквы приходились наверху и шли бы в одну линию, а сбоку в каждом столбике провертел насквозь по дырочке. В эти дырочки продернул он нитку и ниткой плотно прижал одну плитку к другой: нитка не давала им распадаться.

Тогда Гутенберг, едва сдерживая волнение, покры-

вает все буквы краской, накладывает на них лист бумаги и осторожно прижимает его сверху; потом снимает бумагу и видит, к великой своей радости, что на бумаге отпечаталась вся азбука... Чудесное мгновение... совершилось новое изобретение на пользу человечества. Теперь Гутенберг достиг того, о чем так долго мечтал: тайна печатания книг была у него в руках! Уходят с тех пор в небытие голландские доски, резчики, переписчики книг... Теперь надо только нарезать подвижных букв – и печатай ими какую угодно книгу... Теперь можно легко исправить и ошибку, если она сделана при наборе: стоит только вынуть неверную букву и вместо нее поставить какую следует.

Книгопечатание изобретено, тайное искусство для размножения книг найдено! Надо приступить к осуществлению его, идею применить на практике. После успеха наступило маленькое разочарование.

Величайшие открытия и изобретения сделаны не «сильными мира сего», не богачами, не аристократами, а преимущественно бедняками, которые в поте лица своего снискивают себе пропитание. В то время, когда аристократия капитала сибаритствует в сем мире печали и слез, простые люди работают, трудятся. Но в конце концов гениальным труженикам приходится гнуть спину перед богатыми людьми. Для осуществления идеи на практике нужны материальные

средства. То же самое было и с Гутенбергом. Напечатать азбуку легко. Но напечатать книгу много труднее. Деревянные буквы как для резьбы, так и для печатания были неудобны: они легко ломались, трескались, стирались от употребления да и выходили грубыми и некрасивыми. Чтобы сделать их прочными и изящными, надо было изготавливать их из другого, более удобного материала. А из какого? Чтобы решить это, надо было пробовать резать их из того или другого материала, бросать неудавшиеся буквы, готовить новые и т. п., – все это стоило больших денег. А у Гутенберга их не было. С целью добыть их он предлагал некоторым богатым людям войти с ним в товарищество. Многие слушали мечтателя, но не спешили вступать с ним в компанию. Вот если бы речь шла о зеркалах... тогда совсем другое дело. Не имея в Страсбурге кредита, видя недоверие друзей к своему тайному искусству, страдая от недостатка средств для осуществления заветной идеи, Гутенберг в 1445 году возвратился в родной город Майнц в надежде добыть от родственников необходимые деньги для задуманного предприятия. Здесь он поселился у Арнольда Гельтхуса, своего дальнего родственника.

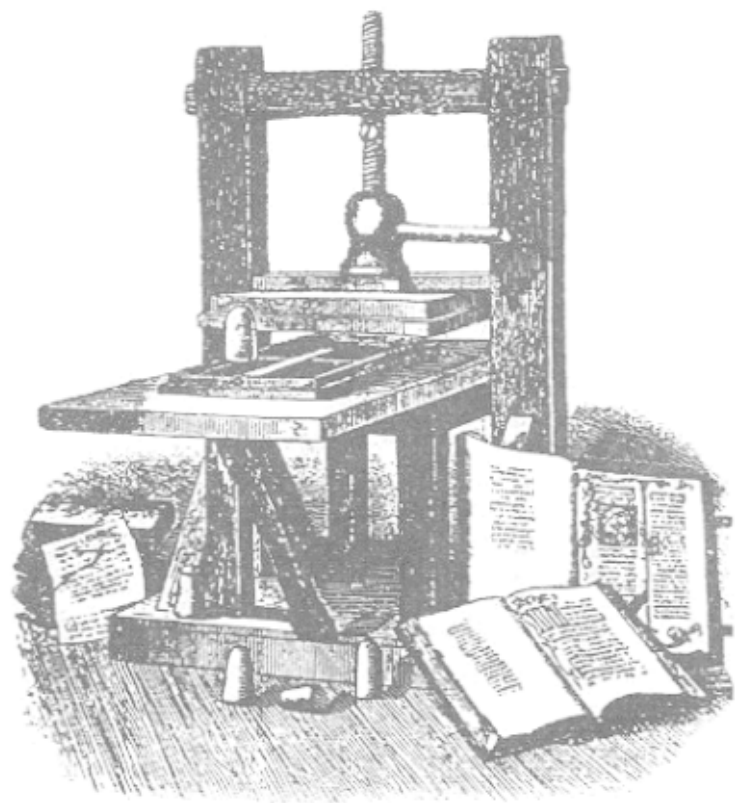
Вплоть до 1450 года, то есть в продолжение пяти лет, о пребывании Гутенберга в Майнце ничего не известно.

В упомянутом году судьба послала ему весьма ценную помощь в лице одного богатого гражданина Ивана Фуста, или Фауста, как его называют. В 1450 году, 22 августа, Гутенберг заключил с ним договор, в силу которого Фауст ссудил ему 800 гульденов под 6 процентов. При этом было условлено, что если между договаривавшимися произойдет несогласие, то Гутенберг обязан возвратить Фаусту взятые в долг деньги. Было также условлено, что Фауст будет давать Гутенбергу по 300 гульденов ежегодно на наем квартиры, на расплату с рабочими, на пергамент, бумагу, краски и другие потребности. Отсюда видно, что договор имел чисто финансовый характер. Идея, орудия и труд принадлежали Гутенбергу, а капитал – Фаусту.

Таким образом, дело устроилось. Гутенберг стал теперь без помехи работать над усовершенствованием книгопечатания. Он открыл секрет отливки металлических букв, то есть придумал ту смесь металлов, из которой удобнее отливать буквы.

Прежде чем достигнуть каких-нибудь существенных результатов, Гутенберг увидел, что ему не хватит занятых денег. Он снова прибегнул к займу. В декабре 1452 года Фауст опять ссудил Гутенберга 800 гульденами, заручившись на этот раз солидным обеспечением. Фаусту заложено было все: и станок, и материалы для печатания. При этом выгоды книгопечатания

делились пополам.

Станок Гутенберга

Первою книгою, отпечатанною изобретенным тайным искусством, считается «Латинская грамматика» Элия Доната. Несколько листов ее дошли до наших дней и хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

12 августа 1451 года римский папа Николай V объявил отпущение грехов всем, кто пожертвует деньги на войну с турками. Продажу индульгенций в Германии взял на себя живший в Майнце Павлиний Цапп. Вначале дело шло туго. Благочестивые христиане не особенно раскошеливались, предпочитая жить лучше во грехах, чем платить за них деньги.

Но вот в 1453 году Константинополь был взят турками. Это событие навело ужас на всю Европу. Папа стал проповедовать крестовый поход против нечестивых мусульман. Продажа индульгенций во отпущение грехов нашла для себя благоприятную почву.

Для изготовления квитанции на будущее блаженство весьма кстати оказалось приспособить изобретение Гутенберга. До нас дошло 23 экземпляра подобных индульгенций. На заготовленных бланках оставлено было место, чтобы вписать имя получате-

ля, и время...

Таким образом, видно, что величайшее изобретение на первых порах было применено, между прочим, к напечатанию величайшей человеческой глупости...

Изобретение книгопечатания – и папские индульгенции: свет – и тьма! Здесь мы видим две исторические крайности...

«Грамматика» Доната и папские индульгенции для Гутенберга были не чем иным, как пробою печати, подготовкой к главнейшему предприятию его жизни – печатанию Библии. В массе публики редко кому известно о подготовительных работах Гутенберга, а что он изобрел книгопечатание и напечатал Библию, известно всякому. В 1450 году он приступил к своему капитальному труду, который навеки останется памятником типографского искусства.

Печатание первой Библии продолжалось в течение *пяти лет*, тогда как в наше время в Англии был такой случай, что всю Библию набрали, отпечатали и переплели в *один день*. Так робки оказались первые шаги книгопечатания!..

Известно, что 24 августа 1455 года работа над знаменитой книгой была закончена. Это – двухтомный фолиант, в первом томе имеющий 324 листа, во втором – 317 листов, всего 641 лист в два столбца. Каждая страница содержит в себе 42 строки, отчего она

и называется сорокадвухстрочной Библией, или Гутенберговой. Печатные заглавные буквы отсутствуют; для них оставлены пробелы, чтобы искусный каллиграф нарисовал их от руки. Нумерация страниц также отсутствует. Эта любопытная книга сохранилась только в 16 экземплярах: 7 – на пергаменте и 9 – на бумаге. По странной игре случая, в Майнце не осталось ни одного экземпляра. Почти все они находятся в Англии и Франции. В настоящее время цена их возросла до баснословных размеров. Например, в декабре 1884 года в Лондоне происходила продажа знаменитой библиотеки Систа, где в числе других редкостей находилась первая Библия. Эта Библия была продана с аукциона за 3900 фунтов стерлингов, что на наши деньги составит около 39 тысяч рублей!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.